

Лексические средства экспрессивного и эмоционального воздействия в повести Астрид Линдгрэн «Эмиль из Лённеберги» и её переводах на русский язык

Elena Kapustina

Department of Russian Language and Literature, Åbo Akademi University

elena.kapustina@abo.fi

Department of Russian as a Foreign Language, Kazan Federal University

elvkapustina@kpfu.ru

Martina Björklund

Department of Russian Language and Literature, Åbo Akademi University

martina.bjorklund@abo.fi

Abstract. Lexical means of conveying expressive and emotional effect in Astrid Lindgren's "Emil of Lönneberga" and its Russian translations

Several of Astrid Lindgren's most famous children's books exist in two Russian translations: one by Lilianna Lungina and one by Ludmila Braude (often in cooperation with other translators). It is intriguing that Lungina's translations are generally more popular among readers than those by Braude, even though the latter may seem more true to the original in several respects. In this article we look into the first book of the Emil of Lönneberga series and its two Russian translations (by Lungina and Braude & Paklina), concentrating on the use of emotive vocabulary and words and phrases with expressive and/or emotional connotations. The results of a quantitative analysis show that the utilization of these types of expressions in Braude & Paklina's translation substantially exceeds their use in Lungina's translation and the Swedish original text. Lungina's translation does not essentially differ from the original as to the total number of emotionally loaded expressions, but the relative weight of different types varies. Lungina uses more emotionally loaded and colloquial words and Lindgren more idiomatic expressions and phraseological constructions. In another quantitative analysis we demonstrate how the number of emotionally loaded words is increased in both translations

through reduction of repetition, a proposed universal of translation. In a comparative analysis three recurring types of correlation between the original text and its translations are discussed using illustrative examples. Emotionally loaded Swedish words are generally translated with Russian analogues in both translations. However there are instances of utilization of neutral vocabulary in Lungina's text. Cases of neutralization in both translations are extremely rare. Translation of neutral Swedish words with emotionally loaded or expressive words is far more frequent in Braude & Paklina's translation than in Lungina's. The more moderate use of emotive and expressive language makes Lungina's translation stylistically closer to contemporary readers' immediate linguistic reality, while Braude & Paklina's translation might be felt to be stylistically heavy and unnatural.

1. Введение

Данное исследование во многом инициировано неутрачивающими спорами вокруг русскоязычных переводов произведений Астрид Линдгрэн, выполненных в разное время переводчицами Л.З. Лунгиной и Л.Ю. Брауде (также работавшей совместно с такими переводчицами, как Е.А. Паклина и Н.К. Белякова и др.). Переводы книг о Карлсоне, который живет на крыше, выполненные Л.З. Лунгиной способствовали громкой популярности персонажей и книг шведской писательницы в России (Карахан 2000; Курий 2006; Нестеров 2008), однако вызвали целую череду нелестных отзывов со стороны Стаффана Скотта (Скотт 1977; 2013). В свою очередь переводы Л.Ю. Брауде, постаравшейся достигнуть максимально возможной денотативной близости переводного текста со шведским первоисточником, по большей части, не нашли настолько же положительного отклика среди широкой читательской аудитории, с каким были встречены тексты Л.З. Лунгиной.

Несмотря на профессиональный подход обеих переводчиц к процессу «перевыражения» смысла первоисточника, который можно наблюдать при детальном анализе переводческих решений и трансформаций, русская критика однозначно, а порой и довольно резко (Карахан 2000; Датнова 2002; Дрозденко 2015) отдает предпочтение творчеству Л.З. Лунгиной. Однако, как показывают дискуссии в интернетных форумах, своих сторонников имеют и книги об Эмиле из Лённеберги в переводах Брауде & Паклиной (Энглунд Димитрова 2016).

Пытаясь объяснить ту притягательную особенность читательского восприятия переводов Л.З. Лунгиной, выделяющую ее тексты в ряду прочих альтернатив воспроизведения творчества Астрид Линдгрэн в русской культурной традиции, авторы критических статей указывают на адекватность эмоционально-экспрессивного воздействия, которого удается достичь переводчице. Так, режиссер фильма «Подстрочник» и автор одноименной книги о жизни и творчестве Л.З. Лунгиной Олег Дорман говорит в своем интервью (опубликовано в блоге О. Дрозденко 2015), что чувствует в «лунгинских»

переводах ту же самую «линдгреновскую интонацию», которая звучит во всех книгах шведской писательницы. Е. Датнова обращает внимание на функциональную адекватность «лунгинских» переводов, утверждая, что Лунгина «сделала книги для детей – в соответствии с возможностями их восприятия и с русскими народными языковыми и литературными традициями», в то время как у Брауде получились «почти идеальные с лингвистической точки зрения – книги для взрослых»¹ (Датнова 2002).

В чем же заключаются стиль повествования Астрид Линдгрэн и «линдгреновская интонация»? По мнению шведского литературоведа Виви Эдстрём, повести Астрид Линдгрэн, и в частности книги об Эмиле, характеризуются устным стилем повествования, заряженным эмоциональным сопереживанием (Эдстрём 1992:152; 2004). Создается интимный контакт между рассказчиком-повествователем и читателем, а также между рассказчиком и персонажами (Эдстрём 1982:81; 1992:153). Читателя пленяют такие суггестивные средства, как риторические вопросы, восклицания и очаровательные речевые формулы (1992:153). Во время чтения создается впечатление личного разговора с Астрид, настолько сильно ее присутствие в тексте (Эдстрём 2004:200). Однако, несмотря на то, что тексты кажутся спонтанными, с ритмом устной речи, мы имеем дело с осознанной, отредактированной устностью (Эдстрём 1992:23; 2004:196). Важной чертой авторского стиля Астрид Линдгрэн также является юмор рассказчика-повествователя. По мнению Ульфа Боетиуса, повесть «Эмиль из Лённеберги» сконструирована по принципу *сказа* (см. Эйхенбаум 1918), где рассказчик-повествователь разыгрывает ряд анекдотов и шуток (Боетиус 1998). Более того, Боетиус приходит к выводу, что главным персонажем повести является именно этот рассказчик-повествователь, который, подмигивая читателю, беспрестанно совершает смешную вербальную акробатику (Боетиус 1998:91).

Доминирующее в кругу русских читателей мнение о переводах Л.З. Лунгиной как наиболее удачных среди «конкурирующих» изданий побудило авторов статьи попытаться по-новому осветить неоднозначную природу данного переводческого феномена с позиции лингвистической науки, выбрав для анализа повесть Астрид Линдгрэн «Эмиль из Лённеберги», поскольку ее русскоязычные переводы были предметом немногих критических дискуссий и научных исследований. Кроме того, указанные переводы ближе по экстра-лингвистическим параметрам, нежели переводы книг Карлсоновского цикла, где временная дистанция между первым переводным текстом – Лунгиной – и последующим – Брауде & Беляковой – насчитывает почти тридцать лет. Первое книжное издание повести «Эмиль из Лённеберги» на русском языке было

¹ Курсив Е. Датновой.

подготовлено Л.З. Лунгиной и увидело свет в 1977 году.² Перевод Л.Ю. Брауде и Е.А. Паклиной был опубликован в 1987 году. В плане историко-литературной типологизации оба переводных текста можно отнести к одному и тому же периоду русской художественной традиции, а именно к советской литературе периода застоя. Конечно, в периодизации новейшей русской истории 1987 год принадлежит эпохе перестройки. Но следует принять во внимание тот факт, что Брауде и раньше занималась переводом этого текста для журнала *Костёр* (1969 г.). Исходя из данных предпосылок, можно заключить, что и по времени написания, и по своим языковым особенностям текст Брауде & Паклиной относится к той же социокультурной реальности, что и текст Лунгиной.

Немаловажно отметить, что к числу сходных социокультурных факторов, имевших влияние на переводческую деятельность Л.З. Лунгиной и Л.Ю. Брауде, относится единство требований к переводному тексту и критериев оценки качества работы переводчика. К 60-ым годам XX века, как отмечает К. Чуковский (1966:239–240), складывается теоретическая и практическая основа советской школы перевода. Наличие сильной отечественной школы художественного перевода, без сомнения, предопределило выбор тех переводческих принципов и стратегий, к которым обращались в своей практике Л.З. Лунгина и Л.Ю. Брауде. Существенным экстралингвистическим фактором является и профессионализм переводчиков. И Лунгину, и Брауде можно смело назвать признанными мастерами своего дела, оставившими существенный след в русской традиции художественного перевода.

Можно предположить (не умаляя роль синтаксиса), что выбор лексики и искусство создания лексических сочетаний (фраз) играет значительную роль как при создании устного стиля повествования, так и в процессе расширения выразительных возможностей текста, позволяющих «зарядить» его эмоциональным содержанием и добиться сопереживания со стороны читателя. Поэтому в настоящей статье предпринято исследование именно лексики и лексических сочетаний, маркированных как разговорные и/или вызывающих эмоциональные реакции у читателя.

2. Терминологические предпосылки и квантитативный анализ

В лингвистических исследованиях до сих пор нет согласия в определении терминов *экспрессивность*, *эмоциональность*, *эмотивность*. Ряд

² Самый первый русский перевод повести «Эмиль из Лённеберги» (перевели Л. Брауде и Е. Милёхина) был опубликован в журнале *Костёр*, №11, 1969. Перевод Брауде & Паклиной, опубликованный в 1987г., довольно сильно отличается от этого перевода, который больше не публиковался.

исследователей сделали попытку выявить их соотношение: сходство и различие (см., напр., обзорные статьи: Зотова 2010; Кадысева 2010; Ленько 2015). Мы склонны согласиться с тем мнением, что, несмотря на наличие определенных точек соприкосновения, указанные термины не являются полными синонимами. Понятия эмоциональность и эмотивность некоторыми исследователями отождествляются. Однако наблюдается и тенденция к разграничению их определений: эмоциональность относят к области психологии, а эмотивность – к лингвистике как термин для обозначения языкового оформления человеческих эмоций (Шаховский 2008:19; Зотова 2010; Кадысева 2010; Ленько 2015). Здесь одной из центральных терминологических категорий становится *эмотив* как «имя» и «обозначение» эмоции (Калимуллина 2006). Термин экспрессивность является самым расплывчатым и трудноуловимым из трех указанных. Экспрессивность может проявляться на всех уровнях языковой системы, в том числе на лексическом, а также характеризовать целое выражение или произведение (Кадысева 2010; Ленько 2015). С экспрессивностью тесно связаны и эмотивность/эмоциональность, весьма часто сопровождаемая *оценочностью* (хорошо/плохо), и *интенсивность* (интенсификация/деинтенсификация степени проявления признака) (Ленько 2015).

Из вышесказанного видно, что экспрессивность является самым широким из всех перечисленных понятий. Экспрессивность высказывания во многом зависит от наличия, степени интенсивности и комбинации вербальных выражений эмотивности/эмоциональности и оценочности. Вербальное выражение данных категорий типично находится в области коннотаций, другими словами, функцию экспрессивного воздействия выполняет его коннотативный компонент (Солодуб и др. 2005). Однако и в определении термина *коннотация* также трудно найти единогласно принятую исследователями трактовку (см., напр., Вставский 2006; Гарса-Куарон 1991; Солодуб 2005:64–101; Телия 1996:109; Шаховский 2008:112–116).

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию Ю.П. Солодуба, который расшифровывает термин коннотация как *со-означение* и видит в коннотативном компоненте лексического значения слова один из способов отражения внеязыковой реальности, заключающийся в наслаивании некоторого добавочного смысла на содержание, уже выраженное сигнификативным и денотативным компонентами (Солодуб и др. 2005:66). Коннотативный компонент не только отражает информативную основу текста, но и акцентирует внимание на авторских интенциях, субъективных оценках и эмоциональной тональности. Поэтому, чтобы осветить интересующий нас переводческий феномен, мы сочли необходимым сконцентрировать внимание на анализе эмотивов и лексики с коннотированными значениями.

При сопоставительном анализе трех текстов (а именно: шведоязычного оригинала Астрид Линдгрэн и двух русскоязычных переводов – Лунгиной и Брауде & Паклиной) в текстах были выделены следующие группы коннотированных языковых единиц:

- эмотивы, лексика с экспрессивной/эмотивной коннотацией в структуре лексического значения, а также слова или лексические конструкции с ситуативно возникающей эмотивной, оценочной и экспрессивной коннотацией. В шведском тексте: напр., *illbatting, rök* (в значении 'пропали'), *välsignad, Petrellan*; в переводах: напр., *ласково, визжать, восседать* (с ироничным оттенком).
- разговорная, просторечная и диалектная лексика – в шведском тексте: разговорные слова и варианты слов (напр. *barna* (вместо *barnen*), *huvet* (*huvudet*), *slurk*, диалектизмы (напр. *mysse* (*mössa*), *dä* (*det*), *koa* (*kon*) и междометия (напр. *nåja, äsch, jaså*); в русских переводах: напр., слова разговорного стиля, такие как *старикашка* или *зябнуть*; слова, имеющие разговорное значение помимо стилистически нейтрального (*нацепить, покатить, страшно* в значении 'очень'); разговорные формы слов (*не-а*); просторечия (*легонько, загодя*); частицы и междометия (*неужто, съешь-ка, вот ещё!, ишь ты*).
- фразеологизмы и фразеологизированные сочетания/конструкции с экспрессивными/эмоциональными оттенками – в шведском: напр., *kära hjärtans, pang, sa det, inget knussel, trodde [X], ja*; в переводах – напр., *за словом в карман не лез, во что бы то ни стало, поживем – увидим*.

Деление на группы довольно условно, поскольку указанные категории нередко оказываются взаимопроникаемыми в пределах одной лексической единицы. Так, многие диалектизмы и фразеологизмы экспрессивны, междометия передают эмоциональное отношение говорящего, а слова с экспрессивной/эмоциональной коннотацией могут относиться к разговорному стилю, как и фразеологизмы. Одной из существенных трудностей при анализе материала стала проблема разграничения эмоционально-коннотированной и эмоционально-нейтральной лексики. Приоритетным способом определения эмоционально окрашенной лексики было выбрано обращение к толковым словарям, маркирующим данную коннотацию и стилистическую принадлежность слов пометками «бран.» (бранное), «груб.» (грубое), «ирон.» (ироническое), «ласк.» (ласкательное), «перен.» (переносное), «разг.» (разговорное), «прост.» (просторечное) и др. В шведоязычных словарях таким ориентиром становились словарные пометы «vard.» (*vardagligt*), «iron.» (*ironiskt*), «skämts.» (*skämtsamt*), «nedsätt.»

(nedsättande), «smeksamt», «poetiskt», «åld.» (ålderdomligt). В случае, если коннотация не входила изначально в структуру лексического значения слова, а возникала контекстуально, авторы исходили из своего интуитивного восприятия стилистических оттенков высказывания.

Для выявления стилистических особенностей авторского стиля переводчиц Лунгиной и Брауде & Паклиной в сопоставлении с идиостилем шведского текста Астрид Линдгрэн выделенные лексические средства были проанализированы с помощью количественно-частотных показателей. В ходе анализа было, во-первых, рассчитано количество разных эмоционально-коннотированных лексических единиц (т.е. повторно появляющиеся в тексте слова и выражения не включались в анализируемый материал) каждой из трех указанных групп отдельно в первоисточнике и в обоих переводах. Во-вторых, некоторые из наиболее ярких повторяющихся слов шведского первоисточника были сопоставлены с переводными вариантами.

Квантитативный анализ эмоциональной насыщенности исследуемых текстов представлен в Таблице 1.

Тип	Линдгрэн		Брауде & Паклина		Лунгина	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Эмотивы и лексика с эмоциональной коннотацией	103	40%	178	42%	124	44%
Разговорная, просторечная и диалектная лексика	66	25%	177	41%	109	38%
Фразеологизмы и устойчивые сочетания	91	35%	73	17%	50	18%
Итого	260	100%	428	100%	283	100%

Таблица 1. Квантитативный анализ эмоциональной насыщенности первоисточника и переводов повести «Эмиль из Лённеберги»

Таблица 1 отражает интенсивность и вариативность использования эмоционально/экспрессивно коннотированных лексических средств, а также процентное соотношение трех исследованных категорий средств, как в оригинале, так и в переводах. Наглядно видно, что текст Брауде & Паклиной отличается богатством эмоционально-экспрессивных лексических средств как в сравнении со шведским оригиналом, так и в сравнении с переводом Лунгиной. Из общего количества выделенных в трех текстах слов и выражений (971) 44% относится к тексту Брауде & Паклиной, в то время как на долю перевода Лунгиной и первоисточника приходится 29% и 27% коннотированных элементов соответственно. Во всех трех текстах группа «эмотивы и лексика с эмоциональной коннотацией» является наиболее многочисленной. При этом на общем фоне особенно заметно обращение Брауде & Паклиной к лексике с разговорной стилистической окраской. Количество элементов разговорного

стиля в их переводе равняется количеству эмотивной лексики, что более чем в полтора раза превышает частотность подобных стилистических элементов в тексте Лунгиной и почти в три раза – в первоисточнике Астрид Линдгрэн. Отчасти этот избыток разговорной лексики можно объяснить тенденцией, замеченной Катериной Швец (2011), которая, анализируя диалоги в повестях об Эмиле из Лённеберги, показывает, как Л.Ю. Брауде при переводе часто компенсирует отсутствие разговорных и диалектных слов, добавляя «лишние» разговорные и просторечные слова, такие как *эдакий*, *небось*, *неужто*, намеренно подчеркивая стилистическую маркированность текста. В то же время, можно отметить, что разговорные слова, употребленные Линдгрэн, преимущественно простые, а диалектизмы либо легко понимаются самым неискушенным читателем, либо сопровождаются авторскими объяснениями прямо по ходу повествования.

Также бросается в глаза бóльшая процентная и абсолютная количественная насыщенность шведского текста фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями по сравнению с русскоязычными переводами. Очевидно, перевод подобных выражений нередко осуществляется с помощью подбора свободных комбинаций лексических средств русского языка. Однако можно заметить, что перевод Брауде & Паклиной по количеству используемых в тексте фразеологизмов и устойчивых конструкций незначительно уступает оригинальному тексту, и только в силу богатства элементов других групп процентные показатели оказываются почти вдвое меньше, чем в линдгреновском тексте.

Картина перевода повторяющихся слов составлена на основе анализа следующих шведских слов: *gosse*, *rar*, *unge*, *illbatting*, *mysse*, *hyss*, *leva loppa*, – которые представляют собой эмоционально-коннотированные обозначения главного героя, а также некоторых из его атрибутов и действий. Когда говорящие хорошо относятся к Эмилю, он – *gosse* ('молодой мальчик', в современном шведском языке это слегка устаревшее слово, см. SO 2009 s.v. *gosse*), часто с определением *rar* ('милый'), а когда речь идет о его менее привлекательных, по мнению окружающих, качествах, он – *unge* ('ребенок', разг., слегка унич., *ibid.* s.v. *unge*) или *illbatting* ('трудный и вредный человек, особенно ребенок', разг., *ibid.* s.v. *illbatting*). Свою кепку Эмиль на смоландском диалекте называет *mysse*, а его мальчишеские шалости окружающие называют *hyss* (разг. SAOB 1932г.). В последней главе повести Эмилю удается *leva loppa* (фразеологизм, буквально 'жить блохой', со значением 'вести разгульную жизнь' или 'шуметь и скандалить', разг., SO 2009; SAOL 2015 s.v. *loppa*).

Таблица 2 показывает частотность данных лексических средств в линдгреновском тексте, а также статистику повторов и вариативность слов и выражений, которыми повторяющиеся лексемы были переведены на русский в обоих переводах.

Линдгрэн	Кол-во	Брауде & Паклина	Кол-во	Лунгина	Кол-во
gosse	10	малыш	5	малыш	2
		мальчик	2	мальчик	6
		мальчуган	2		
		мальчишка	1		
		Итого	10	Итого	8
unge (vild och envis unge)	4	малыш	1	мальчик	1
		постреленок	1		
		сорванец и упрямец	1		
		Итого	3	Итого	1
illbatting	6	сорванец	3	озорник	4
		сорвиголова	2	сущее наказание	1
		балованный	1		
		Итого	6	Итого	5
gar	7	чудесный	6	прекрасный	4
				чудный	1
				редкий	1
		Итого	7	Итого	6
hyss	14	проказничать	4	проказничать	5
		проказить	3	шалить	3
		шалость	2	шалость	3
		проказа	2	озорник	1
		проделка	3	озорничать	1
				наделать	1
Итого	14	Итого	14		
leva loppan	13	(по)веселиться вволю	8	(по)веселиться	9
		(по)веселиться хорошенько	2	здорово повеселиться	1
		(по)веселиться от души	2	развлекаться	1
		веселье	1	времени зря не теряю	1
				приятно скоротаешь время	1
		Итого	13	Итого	13
mysse	17	шапейка	10	кепарик	16
		шапка	1		
		кепчонка	4		
		кепка	1		
		Итого	16	Итого	16

Таблица 2. Анализ перевода повторяющейся лексики

В таблице 2 видно, что все отобранные для анализа шведские слова переведены (по крайней мере, в одном из переводов) при помощи более чем одного русского лексического средства. Только Лунгина последовательна в своем переводе диалектизма *mysse* как *кепарик*³ и в переводческих решениях, где слово *unge*, как

³ Существуют различные мнения о возможностях и необходимости переводить диалектизмы, и в своих переводах Лунгина и Брауде & Паклина решили этот вопрос по-разному: Брауде & Паклина стараются подбирать нестандартные слова и выражения, а Лунгина, как правило, делает выбор в пользу общеупотребительной лексики. Однако все переводчицы посчитали нужным перевести диалектизмы *mysse* и *busse* нестандартными словами. Для *mysse* Лунгина выбрала жаргонное слово *кепарик*, а Брауде & Паклина образовали неологизм *шапейка*. В разговоре со студентами Энглунд Димитрова (2016) обнаружила, что большинство из них предпочли вариант Лунгиной.

правило, не переводится. Для перевода семи шведских слов/выражений, вошедших в таблицу 2, Лунгиной понадобилось 19 разных слов/выражений, а Брауде & Паклиной – 24, из них у Лунгиной 17 эмоционально коннотированных элементов, у Брауде & Паклиной – 19. В некоторых случаях шведское коннотированное слово переведено нейтральным русским словом (см. *gosse*, *leva lopp*), что, тем не менее, является скорее исключением, чем правилом и лишь подчеркивает стремление русскоязычных переводчиц к художественной выразительности и языковому богатству текста. По-видимому, насыщенность русских переводных текстов вариативными эмоционально/экспрессивно-коннотированными лексическими средствами, как и общее увеличение численности коннотированных слов/выражений по отношению к шведскому оригиналу, является результатом осуществляемой переводчицами редукции повторов⁴.

Как было видно по результатам количественного анализа, во всех трех текстах превалирует группа «эмотивы и лексика с эмоциональной коннотацией» над прочими группами лексических средств экспрессивного воздействия. Поэтому в рамках данной статьи авторы сочли целесообразным далее сосредоточить внимание на базовой для нашего исследования эмотивно-коннотированной лексике, отражая принципы, стратегии и механизмы работы переводчиков с эмоционально «заряженным» художественным текстом.

3. Компаративный анализ перевода эмоционально-коннотированной лексики

В ходе сопоставительного анализа указанных текстов среди эмоционально-коннотированной лексики, используемой в русскоязычных переводах и в шведском оригинале повести Астрид Линдгрэн «Эмиль из Лённеберги», были выделены три основных типа корреляции элементов оригинала и перевода:

- русские аналоги эмоционально-коннотированной шведоязычной лексики;
- стилистически нейтральная русскоязычная лексика, соответствующая лексическим средствам, эмоционально окрашенным в шведском языке;
- русскоязычная эмоционально-коннотированная лексика, соответствующая словам и словосочетаниям, стилистически нейтральным в шведском языке.

⁴ Редукция повторов обсуждается как возможный переводческий универсалий (Честерман 2004). Ссылаясь на идеи Милана Кундеры в книге *Les testaments trahis* (1993) шведский переводчик Андерс Будегорд утверждает, что он относится внимательно к повторам, но включить все повторы в свой перевод ему удастся не всегда (Будегорд и др. 2018:14–15).

Рассмотрим некоторые примеры указанных типов корреляции. Сравнительный анализ показал, что ласкательные слова и обращения обычно переводятся русскими эмоционально окрашенными аналогами. Часто можно видеть, что переводческие решения Лунгиной и Брауде & Паклиной оказываются очень близки и в семантическом наполнении, и в грамматическом выражении. Так, примеры (1)–(2) демонстрируют практически полную идентичность переводческих решений⁵:

- (1) АЛ: ”Min lille vän, har du fått något att äta idag?” (с. 90)⁶
 БП: – Скажи, *дружок*, тебя чем-нибудь кормили сегодня? (с. 45)⁷
 ЛЛ: – Тебе сегодня нечего есть, *дружок*? (с. 65)⁸
- (2) АЛ: ...för du ser så *snäll* ut. (с. 94)
 БП: Ты такой *славный*! (с. 47)
 ЛЛ: Ты такой *славный* мальчуган,.. (с. 67)

В примере (1) осуществляется переводческая трансформация, связанная с особенностями выражения диминутивного значения в шведском (см. Окерблум 2013) и русском языках. В примере (2) можно заметить, что используемые прилагательные и в шведском, и в русском языке имеют нейтральную стилистическую окраску и получают некоторый эмоциональный оттенок, во-первых, благодаря своей семантике, а во-вторых, в силу диалогического контекста. Примечательно, что семантические и контекстуальные механизмы получают сходную реализацию в обоих языках.

Сходная ситуация с переводом коннотированной лексики, имеющей негативно-оценочное значение. Решения переводчиц варьируются в пределах одного синонимического ряда:

- (3) АЛ: ”Han har rymt genom fönstret, *den luvern*”, sa Emils pappa. (с. 60)
 БП: – Он сбежал через окошко, *плутишка этакий*! – сказал папа. (с. 31)
 ЛЛ: – Он удрал через окно, *негодник*! – решил папа Эмиля. (с. 26)
- (4) АЛ: ”Jag struntar i deras *gamla* kalas”, (с. 53)
 БП: Чихал я на их *дурацкую* пирушку,.. (с. 28)
 ЛЛ: Плевать я хотел на их *дурацкий* пир, (с. 22)

В примере (4) шведское слово *gamal* (‘старый’) употребляется с сильной негативной коннотацией, связанной с коннотацией ухудшения качества у старых

⁵ При описании примеров используются сокращения: АЛ – Линдгрэн; БП – Брауде & Паклина; ЛЛ – Лунгина. Курсивом (выделено авторами статьи) отмечены те слова, на которые в данном конкретном примере обращается особое внимание. Цитируется по указанным ниже изданиям.

⁶ Цит. по: Lindgren, Astrid. 1999. Emil i Lönneberga. *Stora Emilboken* (Tionde tryckningen). Stockholm: Rabén & Sjögren, 7–104.

⁷ Цит. по: Линдгрэн, Астрид. 1987. *Эмиль из Лённеберги: Повести* (Перевод со шведского Л. Брауде & Е. Паклиной). Петрозаводск: Карелия, 7–51.

⁸ Цит. по: Линдгрэн, Астрид. 2012. *Приключения Эмиля из Лённеберги* (Перевод со шведского Л. Лунгиной). Москва: АСТ, 6–39.

вещей (SO 2009, s.v. *gammal*). Эмиль, сидя взаперти, не может присутствовать на пиру, и потому говорит себе, что этот «старый, плохой» пир ему не нужен. В обоих русских переводах выбрано слово *дурацкий*, также обладающее яркой эмоциональной коннотацией. Брауде & Паклина еще и подчеркивают пренебрежительное отношение обиженного мальчика к праздничному застолью, употребляя разговорное слово *пирушка*.

Случаи смещения эмоциональной полярности шведского первоисточника к нейтральному русскому словоупотреблению в рассматриваемых переводах довольно редки. Так, пример (5) демонстрирует случай экспрессивности шведского текста, которая не была передана с достаточной интенсивностью ни в переводе Брауде & Паклиной, ни в переводе Лунгиной:

- (5) АЛ: *Han sjöng de sorgligaste visor och det lät jämmerligt*, (с. 89)
БП: Песни были *грустные* и *жалостные*. (44)
ЛЛ: ...и пел *печальные* песни. (с. 35)

Форма превосходной степени *sorgligaste* однозначно указывает на экспрессивность высказывания, а наречие *jämmerligt* со значением 'очень плохо, ужасно' (SO 2009 s.v. *jämmerlig*) свидетельствует о наличии яркой негативной оценки. В переводе Лунгиной экспрессия полностью снимается, а в переводе Брауде & Паклиной замещается использованием разговорного элемента (*жалостные*), не равнозначного по силе эмоционального воздействия шведскому *jämmerligt*.

Как показывает сопоставительный анализ, подобная экспрессивная редукция чаще встречается именно в переводе Лунгиной, в то время как Брауде & Паклина стремятся наиболее достоверно отобразить все оттенки смысловой и стилистической палитры первоисточника. Данный вывод можно подтвердить примерами (6)–(7). В тексте, созданном Лунгиной, эмоционально/экспрессивно-коннотированная лексика может быть пропущена, как в примере (6):

- (6) АЛ: *Det var bara en liten, liten slurk kvar på botten*. (с. 16)
БП: Лишь на доньшке осталась *малюсенькая-премалюсенькая капелька*. (с. 12)
ЛЛ: ...и в конце концов на дне супницы осталось лишь *немного моркови с луком*. (с. 11)

Как в шведском языке, так и в русском, синтаксическая редупликация прилагательных выражает бóльшую интенсивность качества (Линдстрём 1999; Израели 1997) и может использоваться для увеличения экспрессивности высказывания. В примере (6) отчетливо видно, как Брауде & Паклина не только воспроизводят данный прием вслед за Линдгрэн, но и усиливают его, используя формы прилагательного *маленький* с ярко выраженным уменьшительно-ласкательным значением суффиксов, а также добавляя словоформу с приставкой *пре-*. В то же время, переводческое решение Лунгиной предстает как явная

нейтрализация эмоционально-экспрессивного фона высказывания и в сопоставлении со шведским первоисточником и, тем более, в сравнении с переводом Брауде & Паклиной.

В примере (7) видно, как Лунгина снимает и смысловую, и эмоционально-экспрессивную коннотацию глагола *pula* (*ner*). В шведских толковых словарях глагол отнесен к разговорному стилю речи (*vard.*) и обозначает кропотливое, нередко и сложное действие (SO 2009 s.v. *pula*); в некоторых регионах Швеции *pula* (*in*) обозначает 'силой совать что-то/кого-то в тесное помещение' (SAOB). Появление данного глагола в предложении добавляет оттенок значения: 'сделать это было не так уж легко'. Такой смысловой нюанс есть в семантике русского глагола с разговорной окраской *пихнуть*, использованного в переводе Брауде & Паклиной, но отсутствует в глаголе *окунуть*, выбранном Лунгиной:

- (7) АЛ: ...Emil *pulade ner* henne i stora lingonbaljan... (с. 51)
 БП: ...Эмиль *пихнул* ее в большой медный таз с брусничным вареньем... (с. 26)
 ЛЛ: ...*окунул* ее в огромную лохань с давленной брусникой... (с. 35)

Тем не менее, как уже было сказано выше, случаи нейтрализации эмоционально/экспрессивно-коннотированной лексики шведского оригинала в русских переводах повести «Эмиль из Лённеберги» встречаются довольно редко. Более распространенными в анализируемых текстах оказываются случаи добавления эмоционально/экспрессивно-коннотированной лексики там, где стиль шведского текста можно оценить как нейтральный.

Приведенные ниже примеры (8)–(16) иллюстрируют подбор эмоционально окрашенных эквивалентов в обоих текстах русских переводов. В первую очередь, в данной группе выделяется широкий спектр глаголов, замещающих в русских переводах форму прошедшего времени шведского глагола *säga* 'сказать (говорить)' *sa*, начинающую авторские слова, вводящие реплики:

- (8) АЛ: "Vår fina soppskål", *sa* hon. (с. 17)
 БП: – Ах, наша чудесная супница! – *запричитала* она. (с. 12)
 ЛЛ: – Наша прекрасная супница! – все *твердила* Лина. (с. 11)
- (9) АЛ: ...så det bara piper om örona", *sa* Emil. (с. 78)
 БП: ...да так быстро, что только ветер в ушах засвистит! – *сердито пробурчал* Эмиль. (с. 39)
 ЛЛ: ...да так, что ветер в ушах засвистит, – *шипел* Эмиль. (с. 32)

Обилие синонимов глагола *сказать* в переводных текстах связано с разными стилистическими нормами оформления прямой речи в шведском и русском языках. В шведоязычной художественной литературе предпочитают реплики, которые говорят сами за себя, в то время как креативные и богатые ассоциациями глаголы «говорения» рискуют восприниматься как знак низкокачественной литературы или переводного шведского языка

«översättningssvenska» (Геллерстам 1996). Русский же художественный стиль характеризуется большим богатством глаголов введения прямой речи, в том числе экспрессивных (Нюлиндер 2017). Так, у Брауде & Паклиной можно найти 25 разных глаголов «говорения», у Лунгиной – 26 (см. таблицу в приложении). Однако при адаптации перевода к русской повествовательной норме нарушается характерная для линдгреновского рассказчика-повествователя изотопия устной речи, для которой не свойственна излишняя цветистость в оформлении вводящих прямую речь фраз.

Особый случай в процессе перевода представляют собой так называемые «широкозначные глаголы» (Швейцер 1988:130), имеющие, по определению А.Д. Швейцера, широкое, недифференцированное значение, разные оттенки которого могут передаваться целым рядом иноязычных соответствий с более конкретным, узким значением. Наличие широкозначных слов в языке оригинала может требовать от русского переводчика введения различного рода трансформаций. Такие широкозначные шведские глаголы, как *ha*, *göra*, *gå* и другие, в русских текстах повести «Эмиль из Лённеберги» часто переводятся подходящими по контексту экспрессивно окрашенными глаголами с более узким значением. Примеры (10)–(11) иллюстрируют некоторые переводческие решения Брауде & Паклиной и Лунгиной:

- (10) АЛ: Stackars Emil, när skulle han *ha* sin ”mysse” då? (с. 19)
БП: Бедный Эмиль, на что же он теперь *напялит* свою «шапейку»? (с. 13)
ЛЛ: Бедный, бедный Эмиль! Сможет ли он еще когда-нибудь *сдвинуть на макушку* свой кепарик? (с. 13)
- (11) АЛ: ”*Går det här bra*, då ska Ida få min sprattelgubbe,.. (с. 58)
БП: Если *все обойдется*, отдам Иде моего петрушку... (с. 29)
ЛЛ: Если *не упаду*, отдам моего петрушку Иде,.. (с. 38)

В примере (10) *ha* употребляется в значении ‘носить (одежду)’ и представляет собой факт стилистически нейтрального словоупотребления, в то время как в русских переводах для него подобраны довольно колоритные языковые средства: просторечный глагол с оттенком неодобрительной оценки *напялит* (Брауде & Паклиной) и разговорный фразеологизм *сдвинуть на макушку* (Лунгина). В примере (11) можно еще раз отметить различие в стилистической окраске лексики в переводах Брауде & Паклиной и Лунгиной. Глагол *обойтись* в значении ‘выйти из положения; пройти без неприятных последствий’, согласно некоторым словарям (Малый академический словарь 1999), имеет разговорный оттенок, что привносит некоторую степень экспрессии в предложение, составленное Брауде & Паклиной. В то же время, выбранное Лунгиной *если не упаду* конкретизирует действие, которое может идти хорошо или плохо, но звучит стилистически нейтрально, как и в шведском оригинале.

Нередко можно обнаружить в переводах появление эмоционально-коннотированной лексики, повышающей художественную выразительность текста. В приведенных ниже примерах (12)–(13) русские переводчицы подбирают к стилистически нейтральным шведским словам синонимы с эмоциональной коннотацией:

- (12) АЛ: I baksätet *satt* Emil med soppskålen. (с. 21)
 БП: На заднем сиденье *восседал* Эмиль с супницей на голове. (с. 15)
 ЛЛ: А все заднее сиденье *занимал* Эмиль с супницей вместо головы. (с. 15)

Следует уточнить, что глагол *занимать*, выбранный Лунгиной, сам по себе не имеет эмоциональной коннотации в структуре своего лексического значения. Однако при сопоставлении со шведским первоисточником становится заметен некоторый иронический оттенок, появляющийся, по всей видимости, из-за ассоциации с распространенными конструкциями официально-делового стиля речи. Эмиль не сидит – он *занимает сиденье*. Легкая ирония, смещающая градус экспрессивного восприятия, позволяет нам рассматривать переводческое решение Лунгиной как выбор эмоционально-коннотированного синонима, соответствующего стилистически нейтральному шведскому глаголу.

В примере (13) экспрессивная окраска рассматриваемой русской лексики не вызывает сомнений:

- (13) АЛ: Pannkaksstället hette så för att de två små tjocka barna i den gården en gång stod vid grinden och *åt* pannkakor, när Emil for förbi. (с. 22–23)
 БП: Один он назвал «Блины», потому что однажды, проезжая мимо, видел, как двое толстых мальчуганов у калитки *уписывали за обе щеки* блины. (с. 16)
 ЛЛ: Блинным он назвал хутор потому, что однажды увидел за его оградой двух малышей, *уплетавших* блины,.. (с. 16)

В примерах (14)–(16) добавление эмоционально-коннотированной лексики осуществляется без опоры на оригинальный шведский текст. Добавленная переводчицами лексика не имеет соответствий в первоисточнике А. Линдгрена, а появляется как результат творческой мысли и стремления к большей выразительности при создании переводного произведения:

- (14) АЛ: Genom köksfönstret kunde hon se den rare gossen *springa omkring*... (с. 44)
 БП: В окошко было видно, как «чудесный малыш» *носится словно угорелый по лужайке*... (с. 23)
 ЛЛ: В кухонное окно было видно, как этот прекрасный мальчик *бегает по саду*,... (с. 29)

Если введение в текст обстоятельств места *по лужайке* и *по саду* можно объяснить приемом эксплицитации, потребовавшимся в силу стремления русского языка к полному словесному выражению, то появление экспрессивного

сравнения с разговорной окраской *словно угорелый* абсолютно произвольно и отражает особенности идиостиля переводчиц Брауде & Паклиной. Подобные «произвольные» добавления можно проследить в примерах (15)–(16):

- (15) АЛ: Emil slet i skålen och *skrek*. (с. 17)
БП: Эмиль силился стащить супницу с головы и *вопил во весь голос*. (с. 12)
ЛЛ: Эмиль пытался освободиться, но ничего не выходило. Супница словно приросла к его голове. Тогда он *стал кричать благим матом*. (с. 11)
- (16) АЛ: ...och så *ställde han sig att sjunga* ”Mi märr ho luncker fälle mä” för vem som ville höra på. (с. 90)
БП ... и *принялся горланить* песню «Кобылка чуть трусит рысцой...» для всех, кому не лень было его слушать. (с. 44)
ЛЛ: ...и *громко запел*: "Мой конь ускакал..." [...] ⁹. (с. 64)

В целом, можно отметить стремление русских переводчиц наполнить текст эмоционально окрашенной лексикой с целью достижения функции экспрессивного воздействия на читателя. Наиболее отчетливо и полно данная тенденция проявляется в переводе Брауде & Паклиной, в то время как Лунгина довольно часто придерживается стиля, нейтрального по своей экспрессивной окраске.

4. Выводы

В результате проведенного анализа становятся видны существенные отличия в переводческих стратегиях Л.Ю. Брауде & Е.А. Паклиной и Л.З. Лунгиной. Очевидно, что Брауде & Паклина стремятся к наибольшей семантической близости своего переводного текста к шведскому первоисточнику, подбирая эквиваленты к разговорной и диалектной лексике, активно используя приемы компенсации выразительных средств. Но в то же время они «украшают» текст, переводя нейтральные слова и выражения экспрессивно/эмоционально-коннотированными, или просто внося новые, не имеющие конкретных соответствий в первоисточнике. Итак, переводной текст Брауде & Паклиной значительно более насыщен экспрессивно/эмоциональными лексическими средствами, чем текст А. Линдгрэн. В то же время Лунгина придерживается, по-видимому, принципа адекватности эстетического воздействия текста на читателя, предпочитая переводческие решения на уровне прагматической функции, допуская приемы опущения и нейтрализации эмоционально/экспрессивно-коннотированных лексических средств. В самом деле, общее количество разных экспрессивно/эмоциональных лексических

⁹ Квадратными скобками с многоточием внутри – [...] – обозначены лакуны, т.е. те места, где переводчик по собственному усмотрению оставил непереуведенной и удалил из повествования часть оригинального текста.

средств в переводном тексте Лунгиной не намного больше, чем в оригинале. Но и у Лунгиной количество разговорной и просторечной лексики заметно превосходит количество языковых средств аналогичной группы у Линдгрена.

В таблице 2 и в примерах сравнительного анализа в параграфе 3 данной статьи были выявлены переводческие стратегии, которые привели к увеличению количества эмоционально-экспрессивной лексики. Это, в первую очередь, так называемая редукция повторов, которую в нашем анализе можно было наблюдать в эмоционально-коннотированных номинациях главного героя, его атрибутов и действий, и в соблюдении русских норм оформления прямой речи. Кроме того, эмоционально-экспрессивная лексика вводится в переводной текст при переводе широкозначных глаголов и некоторых нейтральных слов. В ряде случаев эмоционально окрашенные языковые средства просто добавляются в текст без учета конкретного соответствия в оригинальном тексте.

В результате описанных выше переводческих стратегий, перевод Брауде & Паклиной зачастую теряет легкость и естественность стиля повествования. Как следствие, ребенок, обладающий несовершенными читательскими навыками, начинает испытывать затруднения с прочтением и освоением непривычной для него лексики. Можно предположить, что переизбыток разговорных слов и выражений становится чертой стиля, отпугивающей современного читателя, постепенно теряющего периферийные языковые средства из своего словарного запаса. Вполне вероятно, что современные дети перестают воспринимать привлеченные переводчицами разговорные выразительные средства как отражение устной речи и начинают видеть в них малопонятные архаизмы. Однако данное предположение нуждается в дополнительном экспериментальном обосновании, которое не было изначально включено в исследовательский план нашей работы.

Перевод Лунгиной нередко оказывается более вольным и смелым в вопросе использования переводческих трансформаций, более беспощадным по отношению к тексту оригинала. Тем не менее, именно такой подход к переводу детской художественной литературы оказывается более адекватным с точки зрения функции эстетического воздействия на читателя. Преимущественное использование стилистически нейтральной лексики, отказ от передачи диалектных особенностей шведского первоисточника, – вот переводческие стратегии, помогающие Л.З. Лунгиной создать текст, который воспринимается как непосредственно приближенный к языковой реальности читателя. Можно предположить, что бурный успех переводов Л.З. Лунгиной в кругу русских читателей объясняется удачным сочетанием необходимых переводческих решений на прагматическом уровне и чутко выверенного звучания русской речи, позволившего переводному произведению встать в один ряд с лучшими образцами исконно русской художественной детской литературы.

Список литературы

- Боетиус 1998: Boëthius, Ulf. *Konsten att göra sig rolig. Skazen i Astrid Lindgrens Emil i Lönneberga*. K. Hallberberg (ed.) *Läs mig – sluka mig!* Stockholm: Natur & Kultur, 70–92.
- Большой русско-шведский; шведско-русский словарь. 2012. *Norstedts ryska ordbok: rysk-svensk; svensk-rysk*. Stockholm: Norstedts.
- Будегорд и др. 2018: Bodegård, Anders, Gustafsson, Kerstin, Orlov, Janina & Stolpe, Jan. *Andras ord och våra. Fyra översättare om sitt arbete*. Göteborg: Daidalos.
- Вставский, А.Н. 2006. «Коннотативный компонент: проблемы интерпретации». *Электронный журнал Вестник Омского государственного педагогического университета*. Выпуск 2006. <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf>, 2018-08-14.
- Гарса-Куарон 1991: Garza-Cuarón, Beatriz. *Connotation and Meaning* (Trans. from Spanish by Charlotte Broad). *Approaches to Semiotics 99*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Датнова, Ева (Евгения Борисовна). 2002. «Карлсон & Карлссон, или Шведский язык – важнее шведской литературы? (Мысли о заново переведенном)». *Пролог*. 2002-01-01. <http://www.ijp.ru/text/168>, 2018-08-14.
- Дрозденко, Ольга. 2015. *Олег Дорман о переводах «Карлсона», Лиулианне Лунгиной и Астрид Линдгрэн*. LiveLib. <http://www.livelib.ru/story/12141>, 2018-08-14.
- Евгеньева, Анастасия Петровна. 1999. *Словарь русского языка (в 4-х томах): МАС (Малый академический словарь)*. Москва: РАН, Институт лингвистических исследований.
- Ефремова, Татьяна Федоровна. 2000. *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык.
- Зотова, Анна Борисовна. 2010. «К вопросу о соотношении категорий "эмоциональность", "эмотивность", "экспрессивность"». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета* 50 (6), 14–17. <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/50/14-17.pdf>, 2018-08-18.
- Израели 1997: Israeli, Alina. "Syntactic reduplication in Russian: A cooperative principle in dialogues". *Journal of Pragmatics* 27 (5), 587–609.
- Кадысева, Светлана Сергеевна. 2010. «Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических категорий». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук* 12 (5), 196–199. http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_5_196_199.pdf, 2018-08-18.
- Калимуллина, Лариса Айратовна. 2006. «Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков)». *Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Уфа. http://psycholinguistik.narod.ru/olderfiles/5/Kalimullina_ADD.pdf, 2018-08-31.

- Карахан, Алексей. 2000. «Он залетел, но обещал вернуться.» *Коммерсантъ Власть* 13 (2000-04-04), 50. <http://www.kommersant.ru/doc/16721>, 2018-08-30.
- Курий, Сергей. 2006. «"Он улетел, но обещал вернуться..."»: Сага о Карлсоне». *Время Z*. 3. <http://www.ytime.com.ua/ru/17/2007/43/285/>, 2018-08-30.
- Ленько, Галина Николаевна. 2015. «Анализ категории эмотивности и смежных с него понятий». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина* 1(1), 84–91. <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kategorii-emotivnosti-i-smezhnyh-s-neyu-ponyatiy>, 2018-08-18.
- Линдгрэн, Астрид. 1969. «Эмиль из Лённеберги» (Перевод со шведского Л. Брауде & Е. Милёхина). *Костёр* 11, 44–56.
- Линдгрэн, Астрид. 1987. *Эмиль из Лённеберги: Повести* (Перевод со шведского Л. Брауде & Е. Паклиной). Петрозаводск: Карелия.
- Линдгрэн 1999: Lindgren, Astrid. Emil i Lönneberga. *Stora Emilboken* (Tionde tryckningen). Stockholm: Rabén & Sjögren, 7–104.
- Линдгрэн, Астрид. 2012. *Приключения Эмиля из Лённеберги* (Перевод со шведского Л. Лунгиной). Москва: АСТ.
- Линдстрём 1999: Lindström, Jan. *Vackert, vackert!: Syntaktisk reduplikation i svenskan*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.
- Мокиенко, Валерий Михайлович & Никитина, Татьяна Геннадьевна. 2007. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп.
- Нестеров, Вадим. 2008. «Деньги дерут, а корицу жалеют. Новый перевод книги "Малыш и Карлсон"». *Газета.ру*. http://www.gazeta.ru/culture/2008/02/12/a_2633898.shtml, 2018-08-30.
- Нюлиндер 2017: Nylinder, Mattias. *Att säga, skratta och snäsa. Om översättningen av anföringsverben i en rysk prosatext*. Examensarbete, magister i översättning. Lunds universitet. <http://lup.lub.lu.se/lup/download?func=downloadFile&recordId=8924564&fileId=8924568>, 2018-09-04.
- Ожегов, Сергей Иванович & Шведова, Наталия Юльевна. 1997. *Словарь русского языка*. Москва: РАН, Институт русского языка.
- Окерблум 2013: Åkerblom, Sandy. «Om betydelsekategorin 'diminutiv' i svenskan». *Nordlund 32: perspektiv på genus*, 102–127. <http://projekt.ht.lu.se/nordlund/nordlund-32/>, 2018 08-31.
- Скотт 1977: Skott, Staffan. Karlsson på taket i rysk översättning. M. Ørvig (ed.) *En bok om Astrid Lindgren* (Med en bibliografi av L. Törnqvist). Lund: Rabén & Sjögren, 84–132.
- _____. 2013. «När skor blir skjorta». *Axess* 9. <https://staffanskott.wordpress.com/tag/ivan-denisovitj/>, 2018-08-13.
- Солодуб, Юрий Петрович, Альбрехт, Федор Борисович, Кузнецов, Андрей Юрьевич. 2005. *Теория и практика художественного перевода: Учеб. Пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений*. Москва: АСАДЕМА.
- Svenska Akademiens ordböcker*. SAOL 2015; SO 2009; SAOB a–vret 1898–2017. https://svenska.se/tre/?sok=riktigt&pz=2#U_R1, 2018-09-04.
- Svenskt språkbruk: Ordbok över konstruktioner och fraser*. 2003. Utarbetad av svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts.

- Телия, Вероника Николаевна. 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры.
- Федоров, Александр Ильич. 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ.
- Честерман 2004: Chesterman, Andrew. Beyond the particular. A. Mauranen & P. Kujamäki (eds.) *Translation Universals. Do they exist?* Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 33–49.
- Чуковский, Корней Иванович. 1966. «Высокое искусство». *Собрание сочинений: В 6 т. Т.3*. Москва: Художественная литература, 239–627.
- Шаховский, Виктор Иванович. 2008. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: Гносис.
- Швейцер, Александр Давидович. 1988. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Москва: Наука.
- Шветц 2011: Schwetz, Katerina. ”Emil i Lönneberga – säregenheter i dialogens översättning till ryska”. P.E. Ljung (ed.) *Mönster och möjligheter i studiet av översättning. IASS 2010 Proceedings*. <http://journals.lub.lu.se/index.php/IASS2010/article/view/5134/4591>, 2018-08-14.
- Эдстрём 1982: Edström, Vivi. *Barnbokens form. En studie i konsten att berätta*. Skrifter utgivna av Svenska Barnboksinstitutet Nr 11. Göteborg: Förlagshuset Gothia.
- _____. 1992. *Astrid Lindgren. Vildtoring och lägereld*. Stockholm: Rabén & Sjögren.
- _____. 2004. *Kvällsdoppet i Katthult. Essäer om Astrid Lindgren diktaren*. Stockholm: Natur & Kultur.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович. 1918. Как сделана «Шинель» Гоголя. *ОПОЯЗ. Материалы. Документы. Публикации*. <http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html>, 2018-08-16.
- Энглунд Димитрова 2016: Englund Dimitrova, Birgitta. Emil i Lönneberga i nya ryska kläder. Intention, variation och reception. Е.Б Кылова, Т.А. Михайлова, Е.Р. Сквайрс, Е.Л. Жильцова & И.В. Матыцина (eds.) *Синхрония, диахрония, текстология. Сборник научных статей и переводов*. Москва: Макс Пресс, 355–362.

Приложение

Глаголы, использованные в качестве перевода шведского глагола *sa* в авторских оформлениях прямой речи

Линдгрэн	Кол-во	Брауде	Кол-во	Лунгина	Кол-во
sa	121			вздыхал	1
		возразил	1		
		воскликнул	1	воскликнул / восклищал	6
		говаривал	1		

	говорил	3	(про)говорил	2
	добавил	2	добавил	1
	заявил	1	заявил	2
	кричал	1		
	наотрез отказался	1	наотрез отказался	1
	напомнил	1		
			нашёлся	1
			не унимался	1
	(по)обещал	2		
			объяснил	2
			огрызнулся	1
	ответил	3	ответил	4
	отозвался	1		
	перешёптывались	1		
	поддакнул	1		
	подтвердил	1		
	подумал	1		
			послышался голос	1
	предположил	1		
	(за)причитал	2	причитал	2
	пробурчал	1		
	проворчал	1	проворчал	1
			продолжал	1
	простонал	1		
			решил	2
	сетовал	1		
	сказал	38	сказал	24
	(за)смеялся	2	рассмеялся	1
			согласился	1
	спросил	3	спросил	3
			твердил	1
			требовал	1
			убеждал	1
			утверждал	1
			шепнул / шептал	2
			шипел	1
	глагол пропущен	5	глагол пропущен	8
	Итого	77	Итого	73